

П.А. Ореховский

д.э.н., проф., главный научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ГЛАЗАМИ СТРУКТУРАЛИСТА (Часть 1. Классики и Маркс)¹

Аннотация. В работе предпринята попытка переосмысления проблемы оптимальной структуры экономики и экономического роста в истории мысли. Используется концепция «постправды» по С. Фуллеру, демонстрируется, что А. Смит использовал стратегию изменения речевых практик и интерпретации фактов против меркантилистов, а впоследствии К. Маркс сделал то же самое в отношении всей классической школы. История мысли легитимирует экономический мейнстрим — доминирующую версию экономической теории, игнорируя прежние варианты риторического доминирования.

Центральная роль в проблеме определения оптимальной структуры экономики отводится старой дискуссии о соотношении производительного и непроизводительного труда. И Смит, и Рикардо, и Маркс искали основной источник ценности и механизмы её перераспределения и изъятия в пользу тех или иных социальных групп. В настоящее время разделение на производительные и непроизводительные виды экономической деятельности признано неверным и отброшено. Однако ориентация экономических агентов на извлечение ренты, осуждаемая А. Смитом, по сути, может блокировать экономический рост. И, как это показывает Д. Рикардо, при определённых условиях рентоориентированное поведение может привести к исчезновению прибыли и достижению так называемого «стационарного состояния». Принцип сравнительных преимуществ, открытый Рикардо, противоречит как «равновесию в длительном периоде», так и теории трудовой ценности. При определённой модификации этот принцип позволяет выстроить иерархию геополитических субъектов в духе мир-системного анализа. Маркс игнорирует этот принцип, используя «прибавочную ценность» как основу своей концепции. Его подход, в соответствии с которым ценность создаётся только в сфере материального производства, оставляет проблему оптимальной структуры экономики нерешённой.

Ключевые слова: *структурализм, постправда, производительный и непроизводительный труд, рента, равновесие, неэквивалентный обмен, неоднородность.*

JEL: B12, B13, B14, B21, B22, B40

УДК: 330.82; 330.88

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_137_154

© П.А. Ореховский, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Ореховский П.А.* История экономической мысли глазами структуралиста (Часть 1. Классики и Маркс) // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 4. С. 137–154. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_137_154.

FOR CITATION: *Orekhovsky P.* History of Economic Thought by the Eyes of a Structuralist (Part 1. Classics and Marx) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 4. Pp. 137–154. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_137_154.

¹ Статья написана на основе препринта, обсуждавшегося на семинаре под руководством А.Я. Рубинштейна в Институте экономики РАН 15.06.2023 г. Он размещён на сайте ИЭ РАН — https://inecon.org/docs/2023/Orekhovsky_paper_2023.pdf. Я выражаю искреннюю признательность О.И. Ананьину, Г.Д. Гловели, Е.А. Капогузову, С.Г. Кирдиной-Чэндлер и другим участникам обсуждения за высказанные ценные замечания.

Введение: структурализм и постправда

В истории экономической мысли уже давно сложился свой «мейнстрим». С одной стороны, он является достаточно широким, чтобы в XXI в. включить в себя представителей институционализма, которым в своей знаменитой работе 1985 г. М. Блауг отказал в этом праве (впрочем, как и «эконометристам», которым также не нашлось места в его книге) [Блауг, 1994]. С другой стороны, мейнстрим истории экономической мысли, как и любой мейнстрим, предполагает определённую классификацию и иерархию исследователей и их теорий. Как правило, основания такой классификации не предъявляются публике, что и приводит историков мысли к частым дискуссиям о том, какая из фигур экономистов прошлого является более масштабной. Исключением являются разве что марксисты, оценивающие теоретиков по степени близости к теории трудовой стоимости и принятию / отрицанию прибавочной стоимости, представленной в трудах К. Маркса.

История экономических учений, если рассматривать её как учебную дисциплину, считается «закрепляющей» — её риторика должна убедить студентов в верности тех представлений, которые они получили в рамках изучения курсов экономической теории. Легитимация авторитетного дискурса с помощью обращения к историческому материалу — одна из важнейших задач этой дисциплины. Характерной чертой такой легитимации является едва ли не общепринятая структура, в рамках которой можно выделить следующие большие разделы: 1) доклассическая и классическая экономическая мысль; 2) австрийцы и неоклассики; 3) кейнсианцы; 4) неолиберальная мысль и современные направления. Отечественные авторы, кроме дополнительной характеристики специфического развития российской экономической мысли, часто добавляют в эту структуру характеристику Ф. Листа и немецкой исторической школы; кроме того, в последние двадцать лет в учебники стала попадать и довольно подробная характеристика эволюции институционализма². Несмотря на все эти особенности (очевидно, историки мысли придерживаются позиции, что чем шире рассмотренный круг авторов, тем лучше), нетрудно заметить, что такая структура гораздо ближе к уже упоминавшейся большой работе М. Блауга, нежели популярного в советское время американского институционалиста Б. Селигмена [Селигмен, 1968].

В качестве неявных оснований классификации, организующих дискурс современной истории мысли, во-первых, следует выделить принцип *равновесия*. В *микроэкономике* такое равновесие должно достигаться как для производителя, так и для потребителя; как на отраслевых рынках конечной продукции и услуг, так и на рынках факторов производства. То же самое справедливо и по отношению к *макроэкономике*: здесь должно достигаться *Общее равновесие*. Школы мысли, а заодно и этапы развития экономической науки организуются вокруг механизмов достижения равновесия — и характеристики политики государства, которую следует признавать рациональной (эффективной). Равновесие является имплицитным принципом, организующим весь экономический дискурс: поскольку существуют две противоположные силы, спрос и предложение, они должны как-то уравниваться. Это кажется настолько тривиальным, что не обсуждается.

Другим важным основанием классификации является различие между анализом средних и предельных величин. Внимание к средним — признак принадлежности

² См., например: [История экономических учений, 2002], [Бартнев, 2013]. Важной особенностью учебника С. Бартнева является то, что несколько параграфов в нём посвящено Е.С. Варге, Н.А. Вознесенскому, И.А. Анчишкину, Ю.В. Яременко; присутствует и глава «Модели роста и развития стран “третьего мира”». Очевидно, что учебники по любой дисциплине должны отличаться друг от друга, иначе не было бы смысла их писать.

Характерно также, что во многих учебниках по истории мысли, включая указанные, пока нет «эконометристов». Тем не менее нет сомнений, что соответствующие темы появятся (может быть, уже появились) в новых вариантах этого курса.

к классической школе. Предельный анализ связан с победой маржиналистской революции в конце XIX в.³ С тех пор характеристика предельных издержек и доходов позволяет выявить эффективность и/или неэффективность равновесия. Это различие позволяет отделить «классиков» от «неоклассиков», обособить «марксистов» и «институционалистов» (а заодно ввести в классификацию «неоинституционалистов», которые пытаются осуществить синтез предельного и институционального анализа). То же основание классификации — предельный анализ — позволяет разделить кейнсианцев и неолибералов⁴ самых разных направлений, правда, сама линия демаркации становится уже намного более тонкой. Предельный анализ здесь лежит в основании представлений об эластичности функций спроса и предложения. Отсюда, например, разграничение между кейнсианцами и, скажем, «новыми классиками» основано на вере в эластичность / неэластичность спроса и/или предложения в ответ на изменения цен.

Тем не менее устойчивость структуры рассматриваемой дисциплины обеспечивается не только успешностью выполнения задачи легитимации современной экономической теории в целом. Дело в том, что внутри выделенных выше четырёх больших разделов экономисты говорили примерно «на одном языке», использовали понятный друг другу аналитический инструментарий. Между разделами — и периодами развития экономической науки — пролегает «смена парадигм», если использовать категорию, введённую в оборот философом науки Т. Куном. Выдающиеся экономисты, с которыми принято отождествлять различные направления, использовали стратегию постправды (постистины) по С. Фуллеру. Последний, с привлечением Оксфордского словаря, поясняет: «(постправда) характеризует или обозначает обстоятельства, в которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личной вере», «в эту эпоху постистины легко отыскать любые данные, какие только захочется, и прийти к любому выводу, к какому только пожелаете»...

Такое определение имеет очевидно негативный оттенок. Собственно, это не что иное, как постистинное определение постистины. Именно в таком свете хотят представить своих противников те, кто занимает господствующие позиции в актуальной игре знания и власти...» [Фуллер, 2021. С. 11–12].

Далее Фуллер поясняет свою характеристику, привлекая выделенное В. Парето деление элит на два типа: львов и лисиц: «Львы Парето получают от традиции легитимность, которая в науке основывается на экспертизе, а не на родословной или обычае. Однако... экспертиза черпает свой авторитет в кумулятивном весе межпоколенческого опыта... Каждая новая порция знаний освящается в таком случае “коллегиальным рецензированием”».

Куновская концепция науки является “постистинной” потому, что истина более не арбитр легитимной власти, скорее, она маска легитимности, которую носит всякий, кто стремится к власти.... Наиболее интересная черта нарратива Куна о прогрессе науки —... это то, что он называет “оруэлловским” пониманием истории науки... В такой версии истории, которая непрерывно подправляется, публика никогда не замечает никаких резких поворотов... Вера в статус-кво сохраняется, а рекрутам внушается желание следовать его курсу» [Там же. С. 17–18].

«Другими словами, «ситуация постистины сводится к тому, чтобы занять метапозицию... Лев стремится выиграть, сохранив правила в их нынешнем виде, а лиса стремится их изменить» [Там же. С. 14]. При этом, рассматривая сферу научных занятий, важно

³ Н. Макашева убедительно показывает, что «маржиналистская революция» на самом деле была длительным историческим процессом; и само определение перехода к предельному анализу в экономических исследованиях как «революции» произошло «задним числом» [Макашева, 2022].

⁴ В данном случае под «неолибералами» подразумевается широкий спектр школ от «монетаристов» и «австрийцев» до «новых классиков», включая теорию рациональных ожиданий.

понимать, что речь идёт не только о самих фактах, но и о *правилах их получения и интерпретации*.

Акцент на создании «ситуации постистины» является *первой* важной чертой взгляда структуралистов на историю мысли. Здесь следует оговориться, что понятие «структурализм» используется здесь в связи с той революцией, которая была осуществлена в математике Д. Гилбертом. Так, более важными становятся логические отношения между «знаками», которые должны подчиняться определённым правилам (структуре), а не их соответствию «реальности» (формализациям). Структурализм быстро проникает в лингвистику (В.Я. Пропп, Ф. де Соссюр и др.), антропологию (К. Леви-Стросс), другие науки [Кошовец, Ореховский, 2018]. В экономическую теорию его влияние проникает сравнительно поздно. Так, акцент на том, *как* экономисты доказывают свои идеи, какую риторику используют, впервые, по-видимому, делает Д. Макклоски [Макклоски, 2015]. Эти идеи развивает А. Кламер, указывая на связи между риторикой экономистов и большими «культурными стилями» [Кламер, 2015]⁵. К настоящему времени появляется уже и «нарративная экономика», которую В.В. Вольчик связывает с работами Р. Шиллера, Дж. Акерлофа, Д. Сноуера [Вольчик, 2017].

Подход к истории мысли со стороны структуралистского анализа требует введения ещё одного классификационного различия. Это различие между номинализмом и реализмом; при этом, естественно, речь идёт не о «реальных», *физических (выраженных в неизменных ценах)* и «номинальных» (*выраженных в текущих ценах*) экономических показателях, но о *философских концепциях*. Часть экономистов (многие классики) придерживались мнения о том, что за изменениями номинальных показателей (цен, зарплат, процентных ставок и т.д.) стоят изменения неких сущностей. Так, например, утверждение о том, что в основе цены лежит ценность (стоимость), определяемая будь то на основе «общественно-необходимых затрат труда», будь то на основе «предельной полезности блага», является реалистическим. Истинное понимание ценности (стоимости) позволит построить и истинную теорию ценообразования. Номиналисты обходятся без указанной гипотезы, во многом опираясь на обычную (не диалектическую!) логику и позитивизм. Цены здесь представляют собой только намерения рыночных акторов продать и/или купить то или иное количество товаров, услуг, факторов производства за определённое количество денег; в данном месте и в данное время. На намерения акторов влияет множество факторов, поэтому один и тот же товар / услуга / фактор производства может продаваться по разным ценам, никакой «сущности», которая определяла бы «истинную цену», не существует.

Введение различия между реализмом и номинализмом существенно для структуралиста, но почти или совсем не имеет значения для многих экономистов. В этом отношении показателен случай М. Фридмена. В нашумевшей методологической работе о неважности посылок теории в случае хороших прогностических результатов он выступает как номиналист [Фридмен, 2012], однако его уверенность в существовании «естественной» безработицы и отсутствии безработицы «вынужденной» является очевидно реалистической. И хотя после «эконометрической революции» 1930-х гг. в дискурсе экономистов произошёл определённый сдвиг в сторону номинализма, ни историки мысли, ни сами экономисты не придали этому никакого значения.

Для структуралистов указанное различие существенно потому, что реалисты признают существование только одной, «истинной» реальности. Номиналисты исходят из того, что существует плюрализм реальности, которому соответствует и плюрализм дискурсов. Последняя позиция предполагает, что может существовать несколько равно-

⁵ Кроме Д. Макклоски и А. Кламера, среди родоначальников дискурсивного анализа и акцента на риторике, используемой экономистами, следует отметить также Дж. Амарильо (J. Amariglio), У. Самуэлса (W. Samuels) и Д. Лавуа (D. Lavoie).

ценных «историй мысли», а не только «истинная» и «ложная». И если тот эскиз истории мысли, который представлен в настоящей работе, будет рассматриваться теми или иными оппонентами как фальсификация (в попперовском смысле), об этом нет смысла дискутировать — автор, занимая номиналистскую позицию, заранее с ними согласен.

В свою очередь, следует сказать, что структурализм как «школа» или «направление» отсутствует в учебниках экономической мысли (подробнее: [Ореховский, 2016]). Обычно структуралистов принято относить к дисциплине «экономика развития» [Нуреев, 2008]. Во многом это связано с латиноамериканским структурализмом и, в первую очередь, с концепцией Р. Пребиша [Пребиш, 1992]. Кроме того, в связи с очевидным родством идейных подходов к анализу периферийных (и полупериферийных) экономик, структурализм связывают с работами И. Валлерстайна и Ф. Броделя. В этом случае структуралисты «проходят по ведомству» макросоциологии и экономической истории.

Второй важнейшей чертой структурализма — в данном случае, уже не как общей философской концепции, но именно свойства экономического анализа, является акцент на структурных сдвигах как основе долгосрочного экономического роста. Структурные сдвиги понимаются достаточно широко — это изменение пропорций между в видах экономической деятельности, в пространственных пропорциях, в институциональных режимах. Поскольку важность структурных факторов для роста не отрицал (по крайней мере, в явном виде) ни один исследователь, постольку следует указать, что *не является структурализмом*. К таковым относятся концепции, рассматривающие рост как следствие простого увеличения используемых ресурсов — труда, капитала, земли и полезных ископаемых. Кроме того, *не структуралистскими* являются и теории, где главным фактором роста выступают норма сбережений и инвестиции. С позиций структуралиста чистые инвестиции — это не фактор роста, это *сам экономический рост*. Их вполне можно рассматривать как прирост вовлекаемого в производство капитала и/или труда (например, в однофакторной модели роста Мэнкью — Ромера «физический» и «человеческий» капитал не различаются и рассматриваются как общие «инвестиции» [Ромер, 2014. С. 141–174]).

Поскольку в центр изучения помещаются структурные факторы, традиционное *равновесие* спроса — предложения оказывается неважным. Когда структуралисты пишут о равновесии, на самом деле они чаще всего говорят о *структурной сбалансированности*. Последнее является не статическим состоянием, но «фазой», периодом, в рамках которого имеет место экономический рост. Диспропорции, разрушение такой сбалансированности сопровождается замедлением роста, рецессией; возможно, спадом. Такая интерпретация равновесия в целом не противоречит мейнстриму, поэтому элементы структуралистского анализа можно найти у самых разных экономистов. Поэтому вполне возможными становятся *другие интерпретации* известных концепций, в том числе — альтернативная история мысли, заметки о которой представлены в следующих разделах. Собственно, это «эскиз истории», в центре которого лежит полузабытая концепция производительного труда, давно признанная ошибочной. Любое же более подробное описание, претендующее на общую характеристику «истории мысли», конечно, требует монографического объёма.

Наконец, история мысли тесно связана с экономической историей: хорошим тоном считается описание состояния экономики и жизненных обстоятельств, повлиявших на взгляды исследователя. При этом «интерналисты» делают акцент на идейных предшественниках, повлиявших на взгляды данного экономиста, а «экстерналисты» — на социально-экономической среде и острых проблемах, стоявших в то время перед обществом. Современная социальная эпистемология, в свою очередь, опирается на изучение «практик», которые определяли в том или ином периоде на развитие знания. Понятно, например, что переписывание и изучение текстов, на которых воспитывались схоласты, сильно отличались от той коммерческой деятельности, в которой участвовали меркантилисты и которая во многом предопределила их взгляды.

В свою очередь, практики получения нового знания опираются на коллективные структуры когнитивности, которые во многом задают как рамки возможного развития теории, так и «слепые пятна», характерные для рассматриваемого периода. Это характерно и для истории мысли. Например, когда началась «маржиналистская революция», обнаружился целый список предшественников, так или иначе использовавших в своих работах предельный анализ. Первый список таких предшественников составил не кто-нибудь, а У. Дживонс, которого наряду с К. Менгером и Л. Вальрасом считают одним из «основоположников» маржинализма [Автономов, 2021]. Но до этого работы этих экономистов были слабо известны и не оказывали на развитие теории и практики какого-либо влияния (особенно показательна в этом отношении судьба работы К. Госсена).

Структуры когнитивности предполагают герменевтический подход. Их смена приводит во многом к утрате практик, которые использовались учёными в том или ином периоде, а оставшиеся и доступные современным исследователям тексты интерпретируются уже в рамках других, новых представлений. Альтернативная интерпретация в таком случае неизбежно выступает с позиций постправды (постистины): фактически она формирует другую, параллельную *реальность*, что, естественно, неприемлемо для экономистов, придерживающихся реалистического, а не номиналистического мировоззрения. Но для структурализма было бы странным отстаивание правомерности единственно верного варианта как истории мысли, так и современной экономической теории.

Физиократы и А. Смит. Постановка вопроса о производительном и непроизводительном труде

Меркантилистские авторы, которых Й. Шумпетер делит на «консультантов-администраторов» и «памфлетистов» [Шумпетер, 2001. С. 202–205], в общем-то, не пытались создать некую *общую теоретическую* систему взглядов на экономику. По большей части их произведения были посвящены рекомендациям правительству. Это был (и остаётся таковым) популярный жанр «проектёрства», который в наше время красиво называют «институциональным дизайном». Большая часть предлагаемых реформ относилась к внешней торговле, развитию мануфактур и т.п. Вряд ли будет преувеличением сказать, что «классовый вопрос» находился вне зоны внимания меркантилистов.

Физиократы, оказавшие существенное влияние на А. Смита в отношении анализа факторов, лежащих в основе создания ценности (стоимости), по-видимому, были первыми, кто использовал стратегию «постправды» в отношении меркантилистов. Как пишет М. Хадсон, «Экономическая таблица» Ф. Кенэ требовалась для того, чтобы показать, «как экономический излишек Франции — то, что оставалось после покрытия основных расходов на проживание и бизнес, оказался в руках землевладельцев как земельная рента.

...физиократы приписывали экономический излишек исключительно сельскому хозяйству. Но, *в отличие* (здесь и далее курсив авт. — П.О.) от Локка, они не характеризовали землевладельцев, как получающих ренту благодаря своему труду. Излишек урожая был произведён солнечной энергией. Эта логика лежала в основе их политического предложения: Единого налога на землю...

...в эпоху, когда Франция была автократическим государством, чья земельная аристократия поддерживалась Церковью и королевскими органами, было бы политически нежизнеспособным утверждать, что они не заслуживают своей ренты. Кенэ и его коллеги... использовали риторические образы, чтобы сыграть на собственном воображаемом образе получателей ренты, назвав этот класс ратье *источником* богатства Франции, а промышленность — просто существующей за пределами расходов земельной аристократии.

В характеристике промышленности и торговли как “бесплодных”... была логика, объясняющая, почему только землевладельцы должны нести налоговое бремя. Уловка Кенэ состояла в утверждении, что класс, производящий излишки, является естественным источником налогообложения» [Хадсон, 2021. С. 89].

Таким образом, физиократы стали менять «правила получения» экономических фактов. Идея о том, что есть некий класс, который является источником богатства, в то время как другие — бесплодны, являлась революционной для того времени. Риторическая уловка, переносящая на этот класс налоговое бремя, тогда не сработала. Но способы обсуждения экономических проблем стали меняться — меркантилистские идеи, увязывающие богатство в первую очередь с торговлей, стали выглядеть менее убедительно.

В свою очередь Смит существенно расширил физиократическую теорию ренты. Ему не нужно было применять риторические уловки физиократов, поэтому, естественно, промышленность перестала быть «бесплодной». Главное по Хадсону — то, что Смит «обобщил концепцию ренты как пассивного незаработанного дохода и использовал трудовую теорию стоимости, чтобы распространить эту идею как на финансы, так и на владение землёй: “Труд и время бедных в цивилизованных странах приносятся в жертву праздности и роскоши богатых. Землевладелец пребывает в праздности и роскоши за счёт труда своих арендаторов. Богатого человека поддерживают поборы с усердного торговца и с нуждающихся, которые обязаны содержать его в праздности, платя за использование его денег...”⁶.

Неспособность обложить налогом это рентное бремя перенесло налоги на торговлю и промышленность, подорвав их прибыльность и, следовательно, накопление капитала» [Там же. С. 91].

Легко заметить здесь зарождение того, что много времени спустя Маркс назовёт «классовым характером» политической экономии. Вполне естественно, что такой подход отрицается современными историками мысли не только по отношению к марксизму, но и к А. Смиту. «Разграничение производительного и непроизводительного труда, введённое Смитом, — это, пожалуй, одна из самых пагубных концепций в истории экономической мысли...

Смит даёт два критерия определения производительного труда. Первый... “ценностный”: производительный труд увеличивает ценность продукта... Второй критерий, более известный, — так сказать по принципу складирования: производительный труд “закрепляется и реализуется в каком-либо отдельном предмете или товаре, который можно продать”, а услуги непроизводительного труда “исчезают в самый момент их оказания”. Следовательно, чем большая доля рабочей силы используется производительно, тем большим будет вещественный запас средств производства в следующем году. Этот критерий ближе по духу к тому, что имел в виду Смит, но и он не безупречен» [Блауг, 1994. С. 48–49]. Так характеризует смитианскую концепцию производительного и непроизводительного труда Блауг. Анализируемая глава книги Смита называется «О накоплении капитала, или о труде производительном и непроизводительном». Блауг предполагает, что «для обеспечения экономического прогресса необходимо максимизировать норму чистых инвестиций» [Там же. С. 49] и что Смит связывает производительный труд с этим процессом, в то время как непроизводительный труд представляет собой часть потребления, «непроизводительное использование сбережений в сфере услуг для удовлетворения расточительного спроса» [Там же]. Пагубность концепции Смита Блауг видит, во-первых, в том, что Смит отказывается в производительности образованию и здравоохранению; а во-вторых, в том, что инвестиции увязываются именно с производительным трудом, но не со «сбережениями как функцией от ставки процента или от размера чистого дохода... Он считает, что хотя банковский процент

⁶ Здесь Хадсон цитирует лекции Смита в Эдинбурге, заключая цитату в кавычки. Но источник, откуда взята цитата, не приводится.

используется для финансирования производственных фондов, прирост основного капитала достигается реинвестированием прибылей; поэтому, говоря о бережливом человеке, называя его благодетелем общества, Смит неизменно уточняет, что имеет в виду промышленника, тогда как землевладельцы в его глазах непременно моты» [Там же. С. 50].

В свою очередь, структуралистская интерпретация введённого Смитом различения «производительного» и «непроизводительного» труда предполагает, во-первых, что *виды экономической деятельности имеют разную ценность*. Основываясь на этом, Смит вводит иерархию сфер экономики (см. главу «О различных помещениях капиталов») по степени отдачи на единицу «капитала и труда». Собственно, это не что иное, как попытка определения *приоритетов*, которые должны лежать в основе проводимой властями экономической политики, целью которой является «обогащение нации». Здесь важна разница в акцентах — основная часть историков мысли выделяют у Смита «невидимую руку», в соответствии с которой рыночный механизм сам обеспечит оптимальное распределение капиталов, и на этом характеристику взглядов Смита на государственную экономическую политику можно заканчивать. Все рецепты обогащения народов, таким образом, укладываются во фритредство (стоит отметить, что примерно так же интерпретировали Смита и экономисты немецкой исторической школы, рассматривавшие «манчестерство» как свою идейную противоположность). Для структуралиста, читающего Смита, эта интерпретация неочевидна: эффективная работа рынка требует многих предварительных условий и соответствующего социального конструирования. Деление на производительный и непроизводительный труд, как и иерархия видов экономической деятельности, никак не связана с «невидимой рукой». Скорее наоборот — у Смита достаточно много тезисов, где отстаивается борьба со сговором и монополиями, а заодно — поддержка отечественных предпринимателей.

Во-вторых, что намного более важно, это оценка ренты не как дохода, а как *вычета из доходов*. Рента — это своеобразный аналог сеньоража, взимаемого землевладельцами. Но подобный «сеньораж» может осуществляться и производственными монополистами, и финансовым сектором. Чем выше доля ренты в национальном доходе, тем хуже работает «невидимая рука», тем менее эффективным становится рыночный механизм.

Это совсем другое национальное счетоводство, сильно расходящееся с современным мейнстримом. Следует сразу же оговориться, что идентификация «непроизводительности», которую предоставляет Смит, выглядит вполне приемлемой в XVIII–XIX вв., когда идёт речь о сокращении ренты землевладельцев (а впоследствии — об отмене «Хлебных законов», регулирующих пошлины на импорт зерна). Но по мере развития индустрии и изменения структуры экономики смитианское определение непроизводительного труда становится всё менее удовлетворительным.

Наконец, здесь уже можно констатировать первое расхождение между «равновесием» и «структурной сбалансированностью», которое игнорируется мейнстримом истории мысли. Для пояснения указанного различия в подходах рассмотрим простой числовой пример. Предположим, что имеется некая однопродуктовая экономика, общее количество занятых экономической деятельностью индивидов — 100 человек, 80 из них занято производительным трудом (работники, торговцы, фермеры, фабриканты); 20 — непроизводительным (землевладельцы, чиновники, врачи, учителя). Доход (ВВП) этой экономики — 1000 ед. продукта.

Предположим, что все получают равный доход $1000:100=10$ и что производительные индивиды имеют постоянную одинаковую производительность. Тогда последняя равна $1000:80=12,5$ ед. продукта.

Далее в этой экономике происходит структурный сдвиг — непроизводительных индивидов становится больше на 10 чел., а производительных — 70. Согласно Смицу, доход такой экономики *сократится* и станет равен 875 ед., причём «рентная часть» доходов *увеличится*: $30 \cdot 10 = 300$. В этом начинает проявляться различие в интерпретациях рассма-

триваемой теории: 1) современные теоретики, отрицающие существование «непроизводительного труда» будут отрицать и возможность сокращения дохода, так что $1\ 000 = 1\ 000$; 2) историки мысли, исходящие из представлений о равновесии и признающие правомерность утверждений Смита, будут настаивать на том, что сокращение дохода должно равномерно распределиться между всеми экономическими акторами, так что $875=875$; 3) структуралистская интерпретация будет делать акцент на том, что сокращение производства на 125 ед. не равно ожидаемому сокращению потребления на 100 ед., о «равновесии» здесь не может быть и речи, диспропорции начнут проявлять себя на финансовом (долговом) и отраслевых рынках.

Согласно современным представлениям, поскольку рента наряду с зарплатой, прибылью и доходом считается в общем потоке доходов, постольку этот поток оказывается равен потоку расходов — сумме потребления и сбережений. Так достигается равновесие, которое в ретроспективе можно назвать макроэкономическим. Но — как впоследствии обнаружит Рикардо — *рост удельного веса ренты сопровождается сокращением прибыли и тем самым подрывает стимулы к расширению производства*. Таким образом, «структурная сбалансированность» и «равновесие» совпадают только в случае приближения рентных доходов к нулю, что было практически исключено в аграрной экономике XVIII в. Как оказалось в наше время, этого невозможно добиться и в постиндустриальном обществе XXI в.

Д. Рикардо: рента как признак «институционального склероза». Неэквивалентный обмен

В мейнстриме экономической мысли Рикардо обычно характеризуется как сторонник трудовой теории ценности (стоимости). Одновременно обычно указывается ещё на две теории, у истоков которого находятся его теоретические открытия — а именно, земельной ренты и мировой торговли (сравнительных издержек). Однако вопрос, почему Рикардо рассматривал трудовую ценность как общий принцип, а предельные и сравнительные издержки как исключения, игнорируется. Особенно показательно это игнорирование в случае Й. Шумпетера, который в своём знаменитом труде заявлял особый интерес именно к технике экономического анализа — а ведь в случае Рикардо такая техника во всех трёх случаях разная. В отношении трудовой ценности Рикардо использует, по сути, понятие «средних» затрат; причём выступает как реалист. Продолживший эту линию анализа К. Маркс писал об «общественно-необходимых», «средних», «нормальных» затратах. Учитывая, что работники обладают разной квалификацией, сложностью, Маркс сводил их затраты к единицам «простого труда».

По-видимому, такая интерпретация трудовой ценности Рикардо является вполне корректной. Сам Рикардо оперирует единицами труда, не задумываясь о том, что охота на бобров и оленей, возможно, требует разной степени квалификации охотников; то же самое происходит и дальше, когда он размышляет о скорости оборота капитала в разных отраслях.

Напротив, в теории ренты используется *предельный* анализ. Реализм сохраняется и здесь — все участки земли упорядочиваются по степени их отдачи, что предполагает существование некоего «идеально худшего» участка, который в ответ на затраты труда и капитала приносит фермеру только возмещение его затрат труда. Именно в этом случае цена на урожай фермера становится равной его трудовой ценности. Все остальные участки, обладающие большей урожайностью (производительностью), кроме возмещения затрат труда, приносят своим хозяевам ренту.

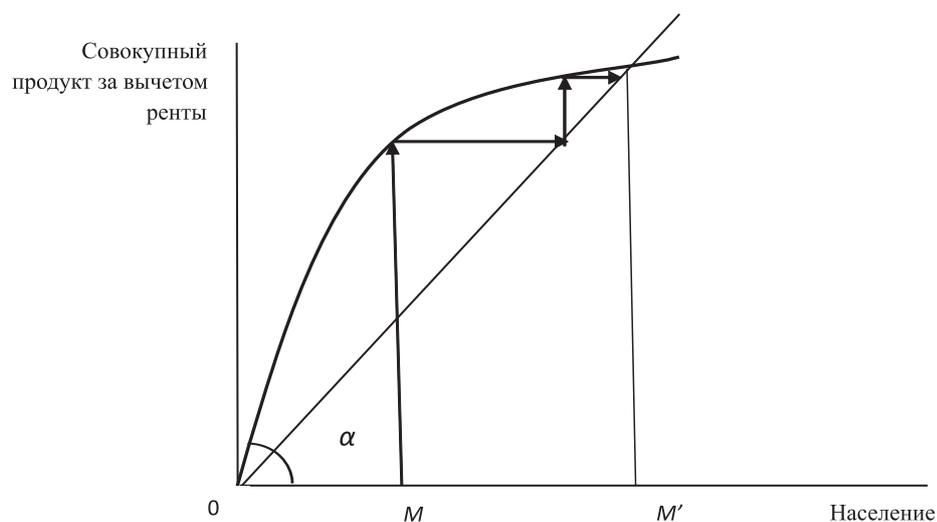
Естественно, что историки мысли фиксировали расхождение между теорией ренты и трудовой ценностью у Рикардо. Однако эта фиксация никак не связывается с категори-

ями производительного и непроизводительного труда. Тем не менее, если следовать логике Смита, а не льстивым по отношению к землевладельцам заявлениям физиократов, то рента представляет собой не *дополнительную ценность*, которая создаётся таким фактором производства, как земля, но *вычетом ценности* из национального дохода общества. Как указывает М. Маццукато: «Рикардо определял ренту как перемещение прибыли к землевладельцам на том просто основании, что они обладали монополией на определённый редкий актив. При этом не делалось допущения..., что эти ренты будут нивелированы в результате конкуренции, — они сохранялись благодаря властным отношениям, имманентным для капиталистической системы» [Маццукато, 2021. С. 77].

О том, что расширение использования земли по Рикардо приводит к росту ренты, что в свою очередь уменьшает прибыль и ослабляет стимулы к инвестициям и расширению производства, пишет и М. Блауг. В качестве иллюстрации этого обстоятельства он использует монопродуктовую модель, в рамках которой участок земли (территория страны) фиксирована и характеризуется убывающей отдачей, зарплата также является постоянной (стремится к мальтузианскому прожиточному минимуму), а рента представляет собой разницу между средним и предельным продуктом при тех или иных «переменных затратах» (в качестве переменных затрат здесь рассматриваются порции «капитала и труда», где основную роль играет труд) [Блауг, 1994. С. 82]. В точке, где линия, иллюстрирующая изменение предельного продукта пересекается с прямой, обозначающей константу прожиточного минимума (зарплатой, равной ценности труда), экономический рост заканчивается. По идее, такой результат должен был насторожить Блауга, но ситуация окончания экономического роста «по Рикардо» воспринимается им как нормальная. Собственно, и саму характеристику «системы Рикардо» Блауг начинает со следующего утверждения: «В основе системы Рикардо лежит представление о том, что экономический рост должен рано или поздно застопориться из-за недостатка природных ресурсов» [Там же. С. 82].

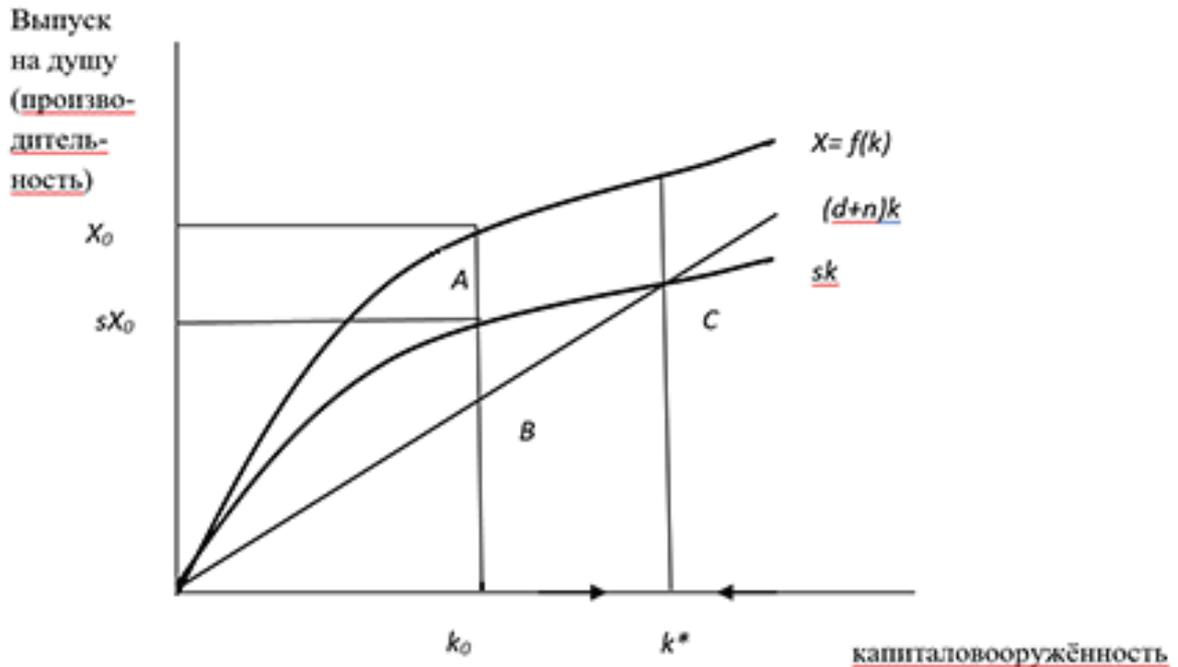
В общем-то, даже в рамках интерпретации самого Блауга, это не совсем так. Рост по Рикардо заканчивается при полной занятости, а поскольку *ценность создаётся только трудом*, то годовой доход общества равен годовому объёму труда. Такие представления переключают и в более поздние концепции рикардianцев, включая Маркса. Точнее, в последнем случае будет уже иметь место равенство дохода потраченному общественно необходимому рабочему времени при наличии безработицы.

На самом деле эта посылка об окончании роста и достижении экономикой стационарного состояния проникла ещё более глубоко, являясь частью современного мейнстрима. Блауг строит следующий график:

Источник: Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: «Дело Лтд», 1994. Рис. 4-2. С. 84.

Если сравнить этот график с графиком функции Солоу, иллюстрирующей достижение равновесия в долгосрочном периоде и приводимым во многих учебниках по макроэкономике, легко заметить сходство:

Источник: Дорнбуш Р., Фишер С. Макроэкономика. — М.: МГУ, 1997. С. 712. Рис. 19.3.
СБЕРЕЖЕНИЯ, ИНВЕСТИЦИИ И НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

На рисунке М. Блауга α представляет собой оплату труда. Когда совокупный продукт за вычетом ренты оказывается равен α , это означает, что дальнейший рост инвестиций будет приводить к снижению прибыли. На нижнем рисунке $(d+n)$ представляют собой сумму темпов прироста населения и долю выбытия капитала вследствие износа, sk — инвестиции. Верхняя кривая $X = f(k)$ — аналог «совокупного продукта», ВВП на душу населения (часто сначала рассматривают ВВП на одного занятого, производительность, вводя переменную n — прирост населения — позже). В точке С, где инвестиции равняются выбытию капитала и стоимости новых рабочих мест, необходимых для достижения желаемой занятости, достигается максимум прибыли. Дальнейший рост капиталовооружённости будет приводить к сокращению потребления.

Если зарплату рассматривать как возмещение затрат «человеческого капитала», подобие «амортизации», аналогия становится ещё более прозрачной. Таким образом, как на первом, так и на втором рисунке демонстрируется достижение «стационарного состояния», в рамках которого прекращается экономический рост.

Идея существования стационарного состояния, куда должна прийти экономическая система в долгосрочном периоде, представляется экономисту, придерживаемому структуралистских взглядов, как минимум, странной, если не абсурдной. Очевидно, здесь имеют место две взаимоисключающие интерпретации работы Рикардо. Первая, «мейнстримная», заключается в представленном Блаугом варианте «стационарного состояния». Вторая, структуралистская, о которой пишет Маццукато, заключается в критике Д. Рикардо того, что сейчас называется «рентоориентированным поведением». Поскольку рента представляет собой *изъятие прибыли*, постольку этот процесс может достичь такого размера, что убьёт стимулы к инвестициям и приведёт к остановке экономического роста. В таком варианте Рикардо предвосхищает идеи институционального склероза по М. Олсону [Олсон, 2013], а его критика «Зерновых законов», защищавших ренту

британских землевладельцев, выглядит аналогом идеи «легального картеля», ставшей популярной в 1970-х гг. благодаря работам экономистов чикагской школы⁷.

В пользу варианта понимания Рикардо, на котором настаивает Маццукато, свидетельствует и один из фрагментов переписки между Мальтусом и Рикардо. Первый пытался обосновать необходимость «непроизводительного потребления» и существование класса джентри недостаточным спросом со стороны рабочих — поскольку полагал, что последние производят больше, чем потребляют. Как указывает А. Сандмо, «Рикардо чрезвычайно скептически относился и к идее общего перепроизводства, и к роли землевладельцев в предупреждении безработицы. В письме к Мальтусу он пишет: “Я не считаю сколь-нибудь убедительными аргументы, при помощи которых Вы обосновываете необходимость спроса со стороны *не производящих потребителей* (курсив мой. — П.О.), что Вы дали. Искренне признаю, что не могу понять, как может быть полезно для страны, в любом её состоянии, их потребление без производства”» [Сандмо, 2019. С. 86].

«Непроизводящие потребители» — такое определение, по-видимому, подходит ко всем владельцам ресурсов, изымающим ренту в силу своего властного положения на рынке; от землевладельцев и владельцев патентов до профсоюзов и разного рода олигополистических структур. Они *изымают* ценность, а не *создают* её.

Ещё раз обратимся к числовому примеру, поясняющему разницу интерпретаций концепции производительного и непроизводительного труда в конце предыдущего раздела. Предположим, что 1000 ед. общего дохода однопродуктовой экономики распределялись на 200 ед. ренты, 100 ед. прибыли, направляемой на инвестиции, и 700 ед. «трудовых доходов» (включая доходы торговцев и фабрикантов, направляемых на потребление). Тогда рассмотренный структурный сдвиг, который приводит к сокращению дохода до 875 и увеличит ренту до 300 ед., полностью «обнулит» прибыль и уничтожит стимулы к инвестированию. Возникнет «стационарное состояние».

Неэквивалентный обмен между богатыми странами «ядра» и мировой периферией в рамках мир-системного подхода интерпретируется именно как изъятие ценности. Богатые страны используют свои конкурентные преимущества, такие как монопольное положение на рынке высоких технологий, для изъятия ренты из обмена с бедными странами. Известная гипотеза Зингера — Пребиша основана на том, что условия торговли для бедных стран хуже, чем для богатых, — цены на сырьевые товары в средне- и долгосрочной перспективе растут меньше, чем на промышленные товары. Жёстко критикует Рикардо за «фритредерство» и Э. Райнерт в своём известном экономическом бестселлере, указывая на то, что теория сравнительных издержек не учитывает качество и сложность товаров при международном обмене [Райнерт, 2014]. Хотя в концепции Райнерта много справедливого, но в отношении Рикардо его критика явно «не по адресу»⁸. То же самое можно сказать и в отношении гипотезы Пребиша — Зингера: несмотря на то, что в конце концов, спустя примерно 60 лет после того, как она была высказана, её удалось убедительно подтвердить статистическими данными для длительных периодов⁹, она имеет сравнительно малое значение для торговли в целом.

⁷ Полагаю, если бы Дж. Стиглер, М. Фридмен и другие известные экономисты чикагской школы услышали то, что их критика «закрытых монополий» в теории «легального картеля» продолжает «классовый подход» Рикардо и Маркса, они были бы сильно удивлены и категорически не согласились бы с этим утверждением. И это, на мой взгляд, в очередной раз свидетельствовало о правоте таких философов, как Т. Кун и П. Фейерабенд, — история экономической науки постоянно переписывается в стиле Дж. Оруэлла, а исторические мысли успешно выполняют предназначенную им роль главных апологетов авторитетного дискурса.

⁸ Следует также отметить, что сам Райнерт не относит себя к «структуралистам», самоопределяясь как последователь немецкой исторической школы и сторонник Другого канона.

⁹ МВФ доказал, что страна-экспортер сырья всегда будет отставать от промышленных стран // Финмаркет (дата публикации: 19.08.2013). <http://www.finmarket.ru/main/article/3441268> (дата обращения: 21.02.2023).

Проблема заключается в том, что теория сравнительных издержек (преимуществ) предполагает наличие неэквивалентного обмена *изначально*, вне зависимости от того, присутствует ли на рынках монополия или нет, причём *такой обмен не означает однонаправленное изъятие ценности*. Если применить теорию сравнительных издержек для анализа торговли между экономическими районами и городами в рамках одной страны [О’Салливан, 2002], то она прямо опровергает трудовую теорию ценности Рикардо. Почему последний придаёт такое значение именно трудовой ценности, упорно стремясь свести цены товаров к затратам труда — загадка, которой, впрочем, *не существует для мейн-стрима* истории мысли. Чтобы пояснить, о чём идёт речь, кратко остановлюсь на известном примере Рикардо.

Таблица 1
Издержки труда на производство товаров в разных странах¹⁰

Страны /товары	Англия	Португалия
Вино	120	80
Сукно	100	90

Анализ Рикардо, а следом его последователи и учебники по истории мысли используют следующую логику. Авторы указывают на то, что на единицу сукна в Англии приходится 1,2 единицы вина, а в Португалии — 0,89 ед. После чего заключается, что, несмотря на то, что Португалии выгодно всё производить самой, но всё же, учитывая относительную дороговизну сукна, его выгоднее ввозить из Англии. Наконец, итоговым выводом такого анализа, против которого как раз и протестует Райнерт, является то, что Англии следует специализироваться на производстве сукна и развивать промышленность, а Португалии — на производстве вина, оставаясь аграрной страной.

Однако у этого примера есть возможность другой интерпретации. Если некий английский коммерсант, находящийся в Англии, не будет просто ввозить сюда все дешёвые португальские товары, продавая их за золото, а в силу каких-либо причин должен будет заниматься бартером в соответствии с «трудовой ценностью» по Рикардо, то при исходном капитале в 720 «трудовых единиц» и отсутствии транспортных и реализационных издержек он может быстро увеличить свой капитал. Покупая, скажем, 7,2 ед. сукна в Англии, он может обменять их на $7,2 \cdot 90 = 648$ «трудовых единиц» в Португалии. После этого на эту «сумму труда» он приобретет $648/80 = 8,1$ ед. вина, а реализовав вино в Англии и увеличив свой капитал $(8,1 \cdot 120) = 972$ «единиц труда», он сможет купить уже 9,72 ед. сукна и т.д. Легко заметить, что в этой цепочке сделок 7,2 ед. сукна обмениваются на 9,72 ед. сукна, потом на 13,12 ед., и т.д.

Это и есть тот самый *неэквивалентный обмен*, когда какое-то количество единиц товара через пару сделок обменивается на большее количество единиц такого же товара. Этот механизм известен каждому коммерсанту и, полагаю, был очевиден для такого круп-

¹⁰ А. Сандмо справедливо указывает на то, что в примере Рикардо Португалия является более производительной и имеет абсолютное преимущество и в производстве вина, и в производстве сукна [Сандмо, 2019. С. 98]. Этот пример используется Рикардо только для иллюстрации, но в последующих учебниках страны, как правило, меняли местами «для правдоподобия».

ного бизнесмена, каким был Д. Рикардо¹¹. Возможно, последний не стал описывать схему такого обмена в силу его банальности. Однако отсутствие такого описания привело многих экономистов к неожиданным вопросам об источнике прибыли, сам факт существования которой заставлял их изобретать весьма изощрённые концепции, позволяющие «вписать» факт существования «излишка» в «равенство» спроса и предложения (подробнее о неэквивалентном обмене: [Ореховский, 2010]).

К. Маркс как «вульгаризатор» и «классик» экономической теории

Экономическая концепция К. Маркса представляет собой наиболее яркий пример использования стратегии постправды в экономической теории. Её автор попытался полностью поменять правила получения и последующего обсуждения экономических фактов. Для этого он полностью поменял риторику — теперь она стала основываться на «диалектическом методе», заимствованном у Гегеля. Суть этой логики хорошо иллюстрирует популярное у марксистов учение о «двойственном характере труда», но может быть применена к любому объекту исследования, включая, например, капитал, который представляет собой не что иное, как «самовозрастающую ценность».

Так, изучаемый объект изначально содержит в себе противоречие, которое проявляется в процессе функционирования. Применительно к труду это противоречие между его «количественной», абстрактной стороной, которая измеряется в затраченном времени, условных трудочасах, и «качественной» стороной, которая оценивается в результатах труда — произведённых благах. Далее противоречие должно «развернуться», для чего вводятся новые «промежуточные» понятия: оказывается, что конкретная форма существования труда — это рабочая сила, выраженная в ценности товаров, необходимых работнику для воспроизводства способности к труду. В свою очередь «абстрактная форма» труда — это рабочий день, включающий в себя как необходимое, так и прибавочное рабочее время, разделить которые физически невозможно — зарплата, выплачиваемая работнику *после* окончания рабочего дня, скрывает тем самым разницу между необходимым и прибавочным рабочим временем.

С точки зрения обычной, «недиалектической», логики Маркс проделывает операцию, которая в математике называется «доказательство через ноль». Труд, с одной стороны, представляет собой, например, 5 рабочих часов, необходимых для производства потребительских товаров, равных ценности рабочей силы, с другой — 8 часов (длительность рабочего дня), необходимых для получения заработной платы. Это — две характеристики одного и того же объекта, поэтому в диалектической логике пять оказывается равным восьми, а разница между этими цифрами представляет собой «прибавочную ценность».

Легко заметить, что подобные рассуждения можно проделать и с таким идеальным объектом, как «капитал». С одной стороны, его ценность определяется способностью приносить доход. Применяя операцию «капитализации», которая сводится к делению прибыли на ставку процента (учитывая, что «капитал» подвержен износу, такая простая операция

¹¹ Возвращаясь к социальной эпистемологии — как практик Рикардо не мог не понимать принципа сравнительных преимуществ, а как теоретик должен был думать о своём варианте развития начал теории трудовой ценности, которые были заявлены у Смита.

Следует ещё раз оговориться, что неэквивалентный обмен, описанный Рикардо, не является «игрой с нулевой суммой», он приносит выгоду *обеим* сторонам, на что постоянно указывается сторонниками фритредерства. Но, во-первых, эти выгоды неравны, и в результате возникают центр и периферия. А во-вторых, *такой обмен не равен своему денежному эквиваленту, попросту — выручке от продажи соответствующих товаров внутри каждой из стран (регионов)*. Поэтому, хотя последователи латиноамериканских структуралистов и сторонники мир-системного анализа и делают ошибку, говоря об *односторонних выгодах* финансово-экономических отношений стран «ядра» со странами периферии, их общий вывод о существовании «мировой иерархии» вполне правомерен.

может заменяться дисконтированием по времени службы капитала), получим первую «величину ценности» капитала. Вторая же такая величина будет равна цене воспроизводства «физического капитала» (попросту — издержкам производства станков, строительства зданий и т.д.). Разницу между этими величинами точно так же можно объявить источником «прибавочной ценности».

Вопрос о том, в чём и как измерять капитал, послужил в своё время основанием для спора «двух Кембриджей» [Коэн, Харкерт, 2009] (хотя измерение «труда» в единицах рабочего времени не вызвало особых разногласий). Если развивать указанный ход рассуждений в духе Маркса, можно получить «резервную армию капитала» для случая, когда прибыли относительно низки и издержки производства нового капитала превышают его «цену». В результате появятся незагруженные мощности, аналогичные безработице. Большие отклонения цены капитала от издержек на его воспроизводство получили отражение в теории «финансовых пузырей», предложенной Х. Мински [Мински, 2017].

Естественно, что противоречия диалектической логики неоднократно отмечались оппонентами К. Маркса. Однако последний является не только диалектиком, но и *реалистом*: противоречия в его риторике присутствуют «по определению», это *норма существования* объектов. Оперирование идеальными категориями, такими как «трудовая ценность», «прибавочная ценность», «простой труд», «необходимое» и «прибавочное» время и т.д., делает бессмысленным дискуссию с представителями этой школы в отношении того, как правильно понимать «метод абстракции»¹². Как показал в своей кандидатской диссертации А.А. Зиновьев, диалектическая логика позволяет обосновать всё, что угодно [Зиновьев, 2002]. Впоследствии и сам он с успехом применил этот метод для делегитимации политико-экономического устройства СССР, причём использовал вполне симметричные «Капиталу» диалектические построения: первичной «клеточкой» коммунизма оказался трудовой коллектив, вместо товарно-денежных отношений здесь устанавливаются отношения коммунальности и т.д. [Зиновьев, 1994].

По моему мнению, Маркс вульгаризировал (от *лат. vulgar* — простой, грубый) теорию Рикардо. Это проявилось и в том, что касается полного игнорирования теории сравнительных издержек (если бы Маркс понял её, то, возможно, не понадобилось бы изобретать и «прибавочную ценность»), и в том, как была проинтерпретирована теория ренты. Земельная рента по Марксу — просто прибавочный продукт, который создаётся работниками, занятыми в сельском хозяйстве. В этом случае изъятие прибыли земельными собственниками у промышленных капиталистов происходит только в случае предоставления участков под застройку, рудники и т.д. Что же касается варианта блокирования экономического роста через монополизацию и изъятие ценности для непроизводительного потребления — данный рикардианский элемент анализа у Маркса отсутствует. Концентрация и централизация капитала Марксом по большому счёту приветствуются¹³, поскольку они способствуют росту производительности труда и развитию производительных сил, увеличивая уровень «обобществления производства».

Капитализм должен рухнуть «под собственной тяжестью» — не в силу рентоориентированного поведения отдельных акторов, но потому, что он до предела обостряет антагонистические отношения между классами. Это уже не экономическое, но политическое суждение. Оно следует из «всеобщего закона капиталистического накопления». В отношении последнего не действуют рикардианские ограничения: бесконечный рост должен сопровождаться усилением «обнищания пролетариата». Хотя надо сказать, что отсутствие

¹² См. например, недавнюю реплику марксиста А.И. Колганова, где он объясняет Р.И. Капелюшникову, что они вместе с Ф. Уикстидом не понимают метода абстракции [Колганов, 2023].

¹³ Одновременно концентрация и централизация капитала способствуют росту эксплуатации рабочего класса, а вот это уже предосудительно.

«стационарного состояния» следует отметить скорее как сильную сторону теории Маркса: экономика у него периодически испытывает кризисы, которые ведут к росту безработицы и банкротств, но описания ситуации полного прекращения роста в «Капитале» нет. После кризисов рост постепенно возобновляется.

Тем не менее в отношении равновесия Маркс продолжает традицию классиков. Причём именно он вводит в оборот гипотезу о связи роста производительности труда на основе роста фондовооружённости¹⁴, которая лежит в основе функции Солоу (см. рис. 19.3 в предыдущем разделе). Его уравнения простого и расширенного воспроизводства предваряют формулировку Общего равновесия по Вальрасу. Так, например, равенство «потреблённых средств производства» во втором подразделении (где выпускаются предметы потребления) «переменному капиталу» (зарплате) и «прибавочному продукту» (прибыли) первого подразделения (где выпускаются средства производства) соответствует одной из формулировок «закона Вальраса» — если цены на товары равны предельным издержкам на их производство (на рынках наблюдается совершенная конкуренция), то «рынки расчищаются». Это неудивительно — и Маркс, и маржиналисты были уверены в справедливости «закона стоимости», при котором цены должны стремиться к издержкам. И если в отношении «единичного» или «особенного» случаев отклонения цен от издержек вполне возможны, то в целом «закон стоимости» должен приводить к Общему равновесию. А в последнем состоянии должны соблюдаться пропорции между производством и потреблением.

Маркс радикализирует введённое Смитом деление на сферы производительного и непроизводительного труда. Теперь производительным становится только тот труд, который приносит прибавочную стоимость, а это — сфера «материального производства». В этом отношении непроизводительными становятся не только землевладельцы, но и торговцы, банкиры, не говоря уже об учителях и врачах. Хотя последние и занимаются «общественно полезным» трудом, но их доходы формируются за счёт «прибавочного продукта», создаваемого в сфере материального производства. Соответственно и кризисы перепроизводства по Марксу — результат слишком большого удельного веса прибавочного продукта в доходе. Капиталисты и работники «нематериальной сферы» предъявляют слишком низкий спрос на произведённые товары, рост запасов приводит к снижению цен, падению рентабельности капитала, пропорции между производством и потреблением нарушаются, что и приводит к *общему* кризису. Таким образом, на одной стороне выступает недостаточное потребление, слишком низкий спрос, на другой — «перенакопление», слишком высокое предложение. Падение цен на товары и услуги (а заодно и на капитал) приводит производство и потребление в соответствие.

* * *

Как известно, после работ А. Маршалла и неоклассиков деление на производительный и непроизводительный труд признаётся ошибочным и становится неактуальным. Происходит очередная «дискурсивная революция»: меняются и способы обсуждения экономических фактов (вместе с переходом к предельному анализу), и сами факты (от холистического представления об экономической системе осуществляется переход к отдельным агентам и алгоритмам принятия хозяйственных решений). Однако проблема оптимальной экономической структуры, обеспечивающей высокие и устойчивые темпы роста, по-прежнему остаётся в центре внимания, о чём пойдёт речь в заключительной части работы.

(Окончание следует)

¹⁴ Маркс использует понятие «органического строения капитала» (постоянный капитал (с) / переменный капитал (v)). От привычного понимания фондовооружённости «органическое строение» отличается тем, что в числитель включается не только основной, но и оборотный капитал. Тем не менее это не отменяет ни связи между ростом фондовооружённости и производительности, ни послышки об убывающей отдаче капитала (у Маркса это — «закон тенденции нормы прибыли к понижению»).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Автономов В.С. (2021). Уильям Стенли Джевонс — не самый известный основоположник маржиналистской революции [Avtonomov V.S. (2021). William Stanley Jevons — Is Not the Most Famous Founder of the Marginalist Revolution] // *Вопросы теоретической экономики*. №3. С. 88–94. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_3_88_94.
- Бартенев С.А. (2013). *История экономических учений*: Учеб. [Bartenev S.A. (2013). History of Economic Thought: Textbook]. — М.: Магистр: ИНФРА-М, 2013.
- Блауг М. (1994). *Экономическая мысль в ретроспективе* [Blaug M. (1994). *Economic Thought in Retrospect*]. — М.: Дело Лтд.
- Вольчик В.В. (2017). Нарративная и институциональная экономика [Volchik V.V. (2017). Narrative and Institutional Economics] // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. Том 9. № 4. С. 132–143. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.4.132-143.
- Зиновьев А.А. (2002). *Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» Маркса)*. [Zinoviev A.A. (2002). Ascent from the Abstract to the Concrete (On the Material of Marx's «Capital»)]. — М.: Институт философии РАН.
- Зиновьев А.А. (1994). *Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма*. [Zinoviev A.A. (1994). Communism as a Reality. The Crisis of Communism]. — М.: Центрполиграф.
- История экономических учений* (2002). [History of Economic Thought (2002). / Ed. V. Avtonomov, O. Ananyin, N. Makasheva] / Под ред. В. Автономова, О. Ананьиной, Н. Макашевой: Учеб. пособие. — М.: ИНФРА-М.
- Кламер А. (2015). *Странная наука экономика: приглашение к разговору* [Clamer A. (2015). The Strange Science of Economics: An Invitation to Conversation]. — М., СПб.: Изд-во Института Гайдара, Международные отношения, Факультет свободных наук и искусств СПбГУ.
- Колганов А.И. (2023). Критика трудовой теории стоимости: новый взгляд на старую полемику [Kolganov A.I. (2023). Criticism of the Labor Theory of Value: A New Look at the Old Controversy] // *Вопросы экономики*. №1. С. 123–131. DOI:10.32609/0042-8736-2023-1-123-131.
- Кошовец О.Б., Ореховский П.А. (2018). Структуралистская революция и метаморфозы экономической теории: от науки к сказке [Koshovets O.B., Orekhovskiy P.A. (2018). Structuralist Revolution and Metamorphoses of Economic Theory: From Science to a Fairy Tale] // *Общественные науки и современность*. №5. С. 143–157. DOI: 10.31857/S086904990000392-3.
- Коэн А., Харкорт Дж. (2009). Судьба дискуссии двух Кембриджей о теории капитала [Cohen A., Harcourt J. (2009). The Fate of the Debate between Two Cambridges on the Theory of Capital] // *Вопросы экономики*. №8. С. 4–27.
- Макашева Н.А. (2022). Маржиналистская революция: сто пятьдесят лет спустя // *Экономическая теория до и после маржиналистской революции*: Сб. мат-лов III Окт. конф. [Makasheva N.A. (2022). Marginalist Revolution: One Hundred and Fifty Years Later // *Economic theory before and after the marginalist' revolution: Comp. mat-ls III Oct. conf.*] / Под ред. В.С. Автономова, А.Я. Рубинштейна.— СПб.: Алетейя С. 8–46.
- Маккласки Д. (2015). *Риторика экономической науки* [McCloskey D. (2015). Rhetoric of Economic Science]. — М., СПб.: Изд-во Института Гайдара. Международные отношения. Факультет свободных наук и искусств СПбГУ.
- Маццукато М. (2021). *Ценность всех вещей: Создание и изъятие в мировой экономике*. [Mazzucato M. (2021). The Value of All Things: Creation and Seizure in the World Economy]. — М.: ИД, Высшей школы экономики.
- Мински Г. (2017). *Стабилизируя нестабильную экономику*. [Minsky G. (2017). Stabilizing an Unstable Economy]. — М., СПб.: Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных наук и искусств СПбГУ.
- Нуреев Р.М. (2008). *Экономика развития: модели становления рыночной экономики* [Nureev R.M. (2008). Economics of Development: Models for the Formation of a Market Economy]. — М.: Норма.
- О`Салливан А. (2002). *Экономика города*. [O'Sullivan A. (2002). City Economy]. М.: ИНФРА-М.
- Олсон М. (2013). *Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз*. [Olson M. (2013). The Rise and Fall of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Sclerosis]. — М.: Новое издательство.
- Ореховский П.А. (2010). Неэквивалентный обмен и свойства пространства в экономической теории [Orekhovskiy P.A. (2010). Non-equivalent exchange and properties of space in economic theory] // *Вопросы экономики*, №8. С. 90–111.
- Ореховский П.А. (2017). Прерывистый тренд развития структурализма: альтернативная традиция экономического анализа (Р.Пребиш, Ю.Яременко, Г.Менш и другие) [Orekhovskiy P.A. (2017). Discontinuous Trend in the Development of Structuralism: An Alternative Tradition of the Economic Analysis (R. Prebish, Y. Yaremenko, G. Mensch and others)] // *Вопросы регулирования экономики*. Т. 8. №1. С. 6–25.
- Пребиш Р. (1992). *Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива?* [Prebish R. (1992). Peripheral Capitalism: Is There an Alternative to It?]. — М.: Институт Латинской Америки.

- Райнерт Э. (2014). *Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными* [Reinert E. (2014). *How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor*]. — М.: ИД Высшей школы экономики.
- Ромер Д. (2014). *Высшая макроэкономика* [Romer D. (2014). *Higher Macroeconomics*]. — М.: ИД Высшей школы экономики.
- Сандмо А. (2019). *Экономика: история идей* [Sandmo A. (2019). *Economics: A History of Ideas*]. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Селигмен Б. (1968). *Основные течения западной экономической мысли* [Seligman B. (1968). *Main Currents in Modern Economics*]. — М.: Прогресс.
- Фридман М. (2012). *Методология позитивной экономической науки // Философия экономики* [Friedman M. (2012). *Methodology of Positive Economic Science // Philosophy of Economics*] / Под ред. Д. Хаусмана. — М.: Изд. Института Гайдара. С. 177–216.
- Фуллер С. (2021). *Постправда. Знание как борьба за власть* [Fuller S. (2021). *Post-Truth: Knowledge as a Struggle for Power*]. — М.: ИД Высшей школы экономики.
- Хадсон М. (2021). *Убийство Хозяина. Как финансовые паразиты разрушают экономику* [Hudson M. (2021). *Killing the Boss: How Financial Parasites Are Destroying the Economy*]. — М.: Наше завтра.
- Шумпетер Й. (2001). *История экономического анализа*. Т.1. [Schumpeter J. (2001). *History of Economic Analysis*. Vol. 1]. — СПб.: Экономическая школа.

Ореховский Пётр Александрович

orekhovskaya@mail.ru

Petr Orekhovsky

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

orekhovskaya@mail.ru

HISTORY OF ECONOMIC THOUGHT BY THE EYES OF A STRUCTURALIST (Part 1. Classics and Marx)

Abstract. The paper attempts to rethink the problem of the optimal structure of the economy and economic growth in the history of thought. The concept of «post-truth» according to S. Fuller is used. A. Smith used the strategy of changing speech practices and interpreting facts against the mercantilists, and subsequently K. Marx did the same for the entire classical school. The history of thought legitimizes the economic mainstream — the dominant version of economic theory, ignoring the previous versions of rhetorical domination.

The central role in the problem of determining the optimal structure of the economy is given to the old discussion about the relationship between productive and unproductive labor. Both Smith, and Ricardo, and Marx were looking for the main source of value and mechanisms for its redistribution and withdrawal in favor of certain social groups. The division into productive and non-productive types of economic activity is recognized as incorrect and discarded at modern time. Condemned by A. Smith the orientation of economic agents towards extracting rent can block economic growth in fact. As D. Ricardo shows, rent-seeking behavior can lead to the disappearance of profits and the achievement of the so-called «stationary state» under certain conditions.

The principle of comparative advantage, Ricardo discovered the principle of comparative advantage. That contradicts both «equilibrium in the long run» and the theory of labor value. This principle makes it possible to build a hierarchy of geopolitical subjects in the spirit of world-system analysis with a certain modification. Marx ignores this principle, using «surplus value» as the basis of his concept. According his approach value is created only in the sphere of material production. This kind of research leaves the problem of the optimal structure of the economy unresolved.

Keywords: *structuralism, post-truth, productive and non-productive labor, rent, equilibrium, unequal exchange, heterogeneity.*

JEL: B12, B13, B14, B21, B22, B40.